

Анна Данилова
Красное на голубом
Серия «Марк Садовников», книга 9

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183820
Красное на голубом. Сердце химеры: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-30596-4*

Аннотация

Марк Садовников расследует убийства трех девушек, задушенных женскими колготками. Все тела без следов насилия с небольшими интервалами во времени найдены за городом. Параллельно с этим три известных в городе человека – Беленков, Перекалин и Буров – получают странные бандероли, якобы отправленные ими самим себе на адрес их офисов. Внутри вещи убитых девушек – их любовниц. В посылке Беленкова не хватает лишь одного предмета – брелока для ключей в виде золотой пирамидки, подаренного им своей молодой содержанке...

Содержание

1	5
2	12
3	26
4	32
5	42
6	46
7	50
8	54
9	59
10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Анна Данилова

Красное на голубом

Дорогой читатель Андрей!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное и вечное!

Читайте, познавайте и
испытывайте удовольствие от
книг! И творите сами!

Анна Данилова (фигура)

1

Недавно прошел дождь, и нежная майская густая листва поблескивала на ярком солнечном свете до рези в глазах. Марк задрал голову и посмотрел на небо. Чистое, голубое, бесконечное и никогда не предает. Так подумал он о небе, словно это было нечто одушевленное, способное мыслить. Небо было искреннее, оно источало сочный голубовато-синий цвет, и, глядя на него, казалось, что и все остальное, что находилось, жило и росло под ним, должно было быть таким же естественным, натуральным, мирным.

На нежной, мягкой траве лежал труп молодой женщины. Белое тело на зеленой траве казалось анахронизмом. Если бы девушка нежилась на травке под солнышком, оно выглядело бы иначе. Спутанные каштановые кудри закрывали половину лица. Зато вторая половина была отлично видна: полузакрытый глаз, высунутый язык, засохшая розоватая пена на подбородке. Судя по всему, девушку удушили несколько часов назад. Привезли сюда, за город, и бросили труп на съедение диким животным (если таковые здесь, конечно, имеются) и червям. А девушка красивая, как и многие другие девушки, делами об убийстве которых Марку пришлось заниматься. Возможно, еще вчера она смеялась, шутила, и глаза ее счастливо блестели, когда она позволяла себя целовать,

а сейчас ее окоченевшее тело наводит на мысль о том, как же все-таки хрупка человеческая жизнь и как же бессмысленно было все то чудесное, что ее наполняло. Зло взяло верх, и роскошное молодое тело теперь было отдано на растерзание тлену.

Марк отвернулся.

В такие минуты, когда ему приходилось видеть убитых женщин, он всегда с ужасом думал о том, что у него есть жена Рита и маленькая дочка Фабиола. И тогда ему казалось, что мир как бы разделен на две части: одна – там, где живут нормальные, здоровые люди, и этот мир залит солнечным светом или вечерним светом лампы над обеденным столом, за которым собирается семья, и в ней царят любовь и взаимопонимание; и вторая – там, где непостижимым образом уживаются друг с другом психически больные люди, убийцы, насильники, воры, подонки. Так вот, его работа была связана как раз со вторым миром, и его задачей было вычислить их, выловить и упрятать за решетку, не дать им и дальше убивать, грабить, насиловать. «Только, чтобы эти два мира не смешались», – прошептал он, как заклинание.

– Она была изнасилована? – спросил Марк у эксперта.

– Точно сказать не могу, экспертиза покажет, – уклончиво ответил Боря Анджан. – Возможно, что и была, но пока что внешних следов насилия я не обнаружил. Тело чистое, без ссадин и кровоподтеков или каких-либо других характерных следов. Но девушек, как ты и сам понимаешь, не всегда на-

силуют перед тем, как убить, иногда девушки любят своих будущих убийц и отдаются им по доброй воле. Был ли совершен половой акт? Об этом, Марк Александрович, я скажу тебе после более тщательного осмотра и анализов. Одно могу сказать определенно: ее удушили. Вот этим чулком. – Борис подцепил пинцетом тонкий прозрачный чулок телесного цвета и сунул его в пакет. – Хотя это вовсе и не чулок в обычном понимании. Смотри, видишь, отрезано? Это часть колготок. То есть кто-то взял и отрезал одну «ногу» от колготок, превратив его в чулок.

– Какой экономный убийца. – Марк пожал плечами. Нет, он никогда не привыкнет к тому, что убивают красивых молодых девушек. Они должны жить, радовать мужчин своей красотой, рожать детей. – Потом окажется, что она была беременна, и женатый любовник избавился от нее.

– Как в «Американской трагедии», – вздохнул Борис. – А что, Марк, может, ты и прав. Сколько таких случаев уже было?

– Женщин редко убивают из-за денег.

Марку вдруг захотелось домой, к Рите, захотелось обнять ее, прижаться к ней, чтобы почувствовать тепло ее тела, услышать ее дыхание.

– Ты только Рите ничего не говори, – вдруг услышал он над самым ухом голос своего помощника Левы Локоткова. – Она страсть как любит истории об убийствах красивых девушек. Снова станет приставать, пожелает помочь тебе, по-

участвовать.

– Ты прав. Но она все равно узнает.

– От кого?

– Я ей расскажу!

Марк достал сигарету, закурил.

– И как же мы теперь будем выяснять личность убитой? Хотя бы паспорт оставили на месте преступления, – заворчал Локотков, кружась вокруг трупа. – А так – ни зацепки, ничего. Даже нижнего белья нет.

– Можно подумать, нижнее белье подсказало бы тебе фамилию девушки, – покачал головой Марк.

– Нижнего белья нет по двум причинам, – подал голос Борис Анджан.

– Интересно, – усмехнулся Марк. – Как у тебя все просто и всегда разложено по полочкам.

– Причина первая: она разделась сама. – Борис поднял указательный палец правой руки. – Причина вторая: ее раздел кто-то другой.

– Гениально, – Марк похлопал эксперта по плечу. – С такими глубоко идущими выводами мы быстро продвинемся в нашем расследовании. Я, кстати, могу добавить, что девушка могла раздеться сама, и тоже по нескольким причинам: либо она спала голышом, либо ложилась в постель с мужчиной, где одежда тоже вроде бы ни к чему.

– Либо она пошла мыться! – добавил Лева.

Между тем фотограф, молчаливый человек с вытянутым

скучным лицом, сделал нужное количество снимков и отправился к машине. По дороге он долго и нудно ворчал, но Марк не разобрал ни единого слова.

– Он голодный, – пояснил Борис. – От него жена ушла.

– А он что, женой питался? – хохотнул Лева, и Марк подумал, что Локоткова уже не переделаешь, цинизма ему не занимать. Да и дурусти тоже.

– Лева, узнай, не пропадали ли в нашем городе молодые женщины в возрасте приблизительно 24—26 лет.

– Думаю, ты прав, ей действительно примерно столько лет, но если бы она могла тебя слышать, – спокойно развивал, скорее машинально, чем осознанно свою мысль эксперт Анджан, – то наверняка обиделась бы. Она прекрасно выглядела на свои возможные двадцать пять. Жаль, что тот скот, убивший девушку, не оценил ее.

– Думаешь, это мужчина?

– Горло сдавлено так, что еще немного, и ей сломали бы позвонки. Смотри, какая глубокая трансгуляционная борозда.

– На ней нет украшений, вы заметили? Ни колец, ни браслетов. Если бы ее убил любовник, вряд ли он стал бы опускаться до такого – связываться с ее вещами, украшениями. К тому же это опасно, – размышлял Марк. – Девушка холеная, ухоженная, я бы даже сказал. Смотри, свежий маникюр. Да и волосы она явно укладывала в парикмахерской. От них до сих пор пахнет лаком или духами.

– Между прочим, на губах помада, – заметил Локотков. – А знаете, о чем это говорит?

– О чем?

– О том, что она перед смертью ни с кем не целовалась, то есть не занималась любовью, не ела, не пила.

– Она могла провести несколько часов в постели с любовником, оттянуться по полной программе, а потом наесться до отвала в каком-нибудь ресторане, – отмахнулся от Левы Анджан. – И уже потом накрасить губы.

– Вот именно, – поддержал его Марк. – Боря, ты посмотри только, сколько травы в этой лесополосе. И ни одного следа от протекторов.

– Тело могли достать из машины и принести сюда. Думаю, скорее всего, так и сделали. До трассы не очень далеко, но на машине добираться сюда сложно, да и опасно. Смотри, какие скрытые травой ямы. Говорю же, это мужчина. Что стоило ему принести ее сюда и спрятать в кустах?

– А что говорит парень, который обнаружил труп? Кто он?

– Местный житель. Смотри, видишь, рядом со смородинными кустами тянется ржавый кабель. Он честно сказал, что пришел за металлом. Здесь многие этим живут.

– Да уж. Думаю, этот парень не только за ржавым кабелем охотится. Уверен, он тащит в пункт приема металла все, что увидит, вплоть до могильных крестов и табличек. Гнусные людишки!

У Марка в кармане ожил телефон. Это была Рита. Голос

ее был взволнованным.

– Марк, мне надо срочно с тобой поговорить.

– Что случилось?

– Пока еще ничего, но, если не хочешь меня потерять, приезжай как можно скорее!

– Рита, не пугай меня!

– Э-эх, Марк! – И она отключила телефон.

Марк пожал плечами. Он ничего не понял.

Она так много слышала о ревнивых женах и мужьях, о том, что чувство это разрушительно и что ревновать мужа унизительно, наконец, но все равно ревновала, переживала и не находила себе места. Если прежде Рита ревновала Марка ко всем тем женщинам, с которыми ему приходилось встречаться по работе, и большинство из них она не видела, то сейчас ее ревность была направлена на конкретную женщину, причем вполне достойную Марка, да к тому же еще и красивую. Елена Корсакова – элегантная высокая шатенка с огромными карими глазами. Однокурсница Марка, умна, интеллигентна. В придачу ко всему – судья! А у Риты к судьям было свое, особое отношение. Она считала, что право судить людей дано лишь избранным, способным безошибочно определить, кто прав, а кто виноват, наделенным природной мудростью. И вот эта дама, роскошно одетая, стала появляться у них дома почти каждый день. Поводом для первого визита стал ее интерес к картинам Риты. Расхаживая по мастерской, она, как показалось вначале Рите, искренне восхищалась ее работами, выразила желание даже купить два натюрморта (стакан с дикими незабудками и расписанное восточным орнаментом блюдо с разложенными на нем розово-желтыми, в каплях сока, кусками дыни). Но потом мастерская стала интересовать ее уже в меньшей степени –

Марк запирался со своей однокурсницей в кабинете, и они подолгу о чем-то говорили. Позже выяснилось, что Елену бросил муж. Он ушел неожиданно для нее, заявив, что любит другую женщину. Елена, многого добившаяся в жизни, вдруг поняла, что она нелюбима, брошена и что ее муж, которого она, быть может, и сама не любила, но к которому привыкла и воспринимала его как часть самой себя, последние три года вел двойную жизнь и у него была, по сути, вторая жена, да еще и маленький ребенок. Их же общая дочь, совершеннолетняя Инна, восприняла развод родителей нервно, стала время от времени уходить из дома, завела себе, как собачку, какого-то там парня, они вместе сняли квартиру, и в результате отношения между матерью и дочерью окончательно испортились. Все это Марк рассказывал Рите по мере того, как узнавал подробности от Корсаковой. Конечно, с одной стороны, чисто по-женски, Лену было жаль, но почему она приходила плакаться к женатому Марку? Что их связывало? Конечно, у Марка до встречи с Ритой могли быть какие-то увлечения и, возможно, с Леной Корсаковой их связывали определенные отношения, но сейчас-то Марк был женат, у него были Рита и маленькая Фабиола! Как могла эта Корсакова так вот запросто врываться в их жизнь и отнимать у и без того занятого Марка столько времени и душевных сил? Это какой же эгоисткой надо быть, чтобы пользоваться его добротой и отнимать его у семьи? Что она себе вообще вообразила? Уж не думает ли она, что Марк так и

будет постоянно принимать ее у них в доме и все силы души бросать на то, чтобы успокоить ее – брошенную, покинутую, несчастную?

К тому же Рита, хорошо понимающая женскую натуру, не могла не замечать некоторой степени как бы случайной распушенности и беспорядка в одежде Корсаковой. То у нее пуговица расстегнется на блузке, и взгляду окружающих откроется белоснежная полная грудь (пара миллиметров до соска), то юбка задерется так, что станет видна кружевная кайма чулка. И все это смотрится настолько эротично и так привлекает к себе внимание, что Рита в последний раз едва сдержалась, чтобы не поправить съехавшую с плеча густую кружевную оборку роскошной блузочки брошенной судьи. Нет, она положительно не походила на судью! Скорее на шлюху по призванию. Вот только Марк и слышать ничего не хотел о том, чтобы отказать Корсаковой в гостеприимстве. «Рита, как ты можешь так отзываться о человеке, которого совершенно не знаешь? Пойми ты, ей сейчас очень плохо и нужна поддержка. Если она окончательно раскиснет, то не сможет работать, понимаешь? Она должна быть адекватна, чтобы заниматься судьбами и проблемами других людей. К тому же быть судьей опасно. Я с самого начала предупреждал ее, что если она хочет быть честным судьей и не брать взятки, то ей придется отстаивать свою позицию не только в суде, но и в жизни. Ей постоянно звонят с угрозами, обещают расправиться и так далее. И она, представь себе, не носит ору-

жая, отказывается от охраны. А тут еще муж бросил! Ладно, муж. Инна, ее дочка, совсем от рук отбилась. Связалась с каким-то проходимцем. Не хватало еще, чтобы она принесла в подоле!»

С каждым произнесенным им словом Рите все больше начинало казаться, что Марк воспринимает Корсакову как близкого и родного человека. Может, он еще и поселит ее у них?

«Посоветуй ей поменять работу. Пусть учится на нотариуса или устроится в адвокатуру». – Рита сказала это зло, чуть не плача. А потом вдруг подумала, что пусть и Марк уберется отсюда, из ее жизни, куда подальше. И сердце ее от этой мысли чуть не разорвалось.

За что бы ни бралась Рита, о чем бы ни думала, ревность просто душила ее, мешала сосредоточиться на работе, она даже борщ не смогла приготовить как следует – все переварила, пересолила. Оставалось только вылить содержимое большой кастрюли в помойное ведро.

Фабиола в отличие от взвинченной до предела собственными фантазиями матери находилась в том благостном состоянии покоя, беззаботности и внутренней гармонии, какое может быть только у детей ее возраста. Трехлетняя Фабиола почти целый день сидела за большим столом, заваленным карандашами, фломастерами, акварельными красками и темперой, и что-то старательно выводила на бумаге, высунув язык и нежно посапывая. Мягкие кудри ее касались

стола, на крошечном носу выступали бисеринки пота. Рите, глядя на нее, хотелось плакать от умиления.

С другой стороны, она, кроме того, что злилась на Марка, сердилась еще и на себя. Как могла она допустить такую зависимость от мужчины? Почему это она должна переживать из-за человека, который ее не понимает и, главное, не хочет понимать? А что, если, к примеру, к ней начнет приходить какой-нибудь ее знакомый со своими проблемами и они подолгу будут запираяться в мастерской? Как отреагирует на это Марк? Возможно, первое время он и потерпит, но потом-то не выдержит и скажет: «Ты что, моя дорогая, забыла, что ты – замужняя женщина, что у тебя есть определенные обязательства передо мной, твоим мужем, перед дочерью? Что заставляет тебя столько времени проводить в обществе этого парня? А может, у вас роман?» И тогда она скажет ему: «Да, у нас роман! Вернее, у нас был роман, но давно, когда мы учились вместе. Больше того, мы собирались пожениться. Но все это, дорогой Марк, в прошлом. А сейчас он приходит ко мне просто как друг. Представляешь, его бросила жена! И сын совсем от рук отбился. И вообще, если ты любишь меня, отпусти меня сегодня к нему домой, я постираю ему белье, сварю суп».

Рите стало жарко от разбушевавшейся собственной же фантазии. Какой бред! Да она только из уважения к Марку никогда не посмела бы так себя повести. А он? А он – мо-

жет! Стало быть, он ее не уважает. И не любит. И не дорожит семьей. А раз так, она не станет с ним жить, как бы она его ни любила.

Она набрала его номер и, услышав голос мужа, почувствовала, как вся покрылась мурашками. Она так любила его, что даже звук его голоса заставлял ее волноваться.

– Марк, мне надо срочно с тобой поговорить. Пока еще ничего, но, если не хочешь меня потерять, приезжай как можно скорее!

Мыслей в голове было много, а вот все слова о подлости, измене, ненависти, неуважении и нелюбви, которые она копила все утро, куда-то подевались, и она, чуть не плача, выдохнула только: «Э-эх, Марк!» – и отключила телефон.

Конечно, он не приехал. По тону его голоса она поняла, что он занят. И это было правдой. Сколько раз она помогала ему в расследовании сложных и опасных преступлений и всякий раз советовала ему бросить эту работу и заняться чем-нибудь другим, более спокойным. Но, с другой стороны, Марк был хорошим следователем, и кто, как не он, тогда будет ловить преступников? Возможно, сейчас Марк находился на месте преступления. Или в морге. Или у себя в прокуратуре, сидел за столом и изучал дела. Или допрашивал свидетелей. На какое-то мгновение она даже пожалела его, провинившегося перед ней. Но черная, вытянутая и искаженная до полного уродства тень Лены Корсаковой снова вернула

мысли Риты в ревнивое русло. «Я не хочу, чтобы она бывала в нашем доме! — как заклинание, повторяла она уже в который раз за день. — Не хочу!»

— Фабиолочка, душечка, что-то ты совсем заработалась. Пойдем в кухню, я тебя покормлю. Я знаю, борща ты не хочешь, тогда поешь курочки.

Фабиола подняла на мать вымазанное розовой краской лицо и улыбнулась во весь рот:

— Я тебя нарисовала и папу. И дом, и бабушку, и цветы.

Она устало хлопнула себя ладошками по бокам, и глаза ее помутнели от предчувствия сна:

— Все. Устала.

— А обедать?

Но девочка замотала головой. Рита поняла, что спорить бесполезно, что она, мамаша, занятая своими мыслями, совсем забыла о ребенке и пропустила время обеда. Девочка устала и хочет спать. Рита взяла дочку на руки и отнесла в спальню.

Через два часа, когда она крепко спала в обнимку с Фабиолой, неожиданно появился Марк. Он вошел в спальню и сел на постель, взял руку Риты в свою:

— Что-нибудь случилось? Ты действительно так переживаешь из-за Ленки, что потеряла покой? Прости. Думаю, что я и в самом деле забылся. Нет, я не забыл, что у меня есть вы с Фабиолой, просто мне стало ее очень жалко. Если хочешь, я

сам скажу ей, чтобы она больше к нам не приходила. Конечно, мне надо будет подумать, как сделать это все аккуратно.

– Не получится, Марк, – зевнула Рита, в душе испытывая чувство облегчения и радости от того, что Марк понял ее. Причем понял и принял ее переживания близко к сердцу, да так сам разволновался, что даже примчался домой. – Что бы ты ни придумывал, все равно она все поймет и ей от этого станет еще хуже.

– Но что же делать? Тогда ты сама позвони ей и скажи, что не хочешь ее видеть, что она раздражает тебя. Если ты думаешь, что я очень дорожу ее мнением...

– Дорожишь, Марк. Думаю, вас с ней связывают какие-то отношения. Давние. – Она замерла в ожидании правды, способной разрушить все то, что она испытывала по отношению к мужу в эту минуту: временную передышку от переживаний, радость встречи, любовь, наконец.

– Да нет. Просто мы с ней были друзьями. Но не любовниками, нет. Поверь мне. Могу поклясться здоровьем Фабиолы!

Он не лгал. Они не были любовниками с Корсаковой! Тогда почему же он так равнодушен к ее проблемам? Быть может, именно по той причине, что они как раз и не были любовниками и их связывала искренняя дружба?

– Это серьезно, Марк. Ты поклялся своей дочерью. А я-то думала, что ты с ней спал.

– Говорю же, ты ее не знаешь. Все эти растянутые пу-

говицы. Да-да, думаю, что сейчас она, быть может, инстинктивно пытается обрести во мне кого-то большего, чем просто друга. Я и сам это чувствую.

– Другими словами, она пытается тебя соблазнить?

– Может, и так. Да только я не поддаюсь. Понимаю, тебя не может не раздражать тот факт, что мы с ней запираемся и подолгу разговариваем. Но, поверь, наши разговоры носят профессиональный характер. Она рассказывает мне о своих делах. Советуется, как поступить, какой срок дать тому или другому преступнику.

– Но раньше-то она как-то обходилась без тебя?

– Правильно. Она была уверенной в себе, сильной женщиной. А сейчас, когда ее бросил муж, она сломалась. Во всяком случае, она близка к этому. Ей кажется, что она – уродина, не нравится мужчинам, что, когда она надевает судейскую мантию, становится похожей на ворону. Если я ей укажу на дверь, она уйдет из судей. Учиться на нотариуса – неплохой совет с твоей стороны, но она к этому еще не готова. К тому же в городе у нее отличная репутация. Она дорожит ею. Разве что в адвокаты. – Он беспомощно развел руками, словно речь шла о нем самом. – Ну что мне делать?

– Разговаривать с ней за столом в гостиной в моем присутствии, вот что. Я могу напоить ее, наконец, чаем. Или водки ей налью. Если ей так плохо, как ты говоришь, то новая подруга ей не помешает. Во всяком случае, я буду спокойна, что она не раздевает тебя там, в кабинете, не гипнотизирует.

Я же с ума схожу от ревности!

– Я бы тоже сходил с ума. – Он улыбнулся и ласково потрепал ее по волосам. – Жаль, что Фабиола здесь. Я бы успел тебя поцеловать, и не только. Но вообще-то я ужасно занят. У нас – убийство.

– Я так и знала. Может, поешь?

– Поем. Но быстро. Что у нас?

Рита поднялась и отправилась в кухню, накрывать на стол. В мозгах прояснилось, стало легче дышать, жить, смотреть в будущее. Нет, она никогда не сможет уйти от Марка. Он такой замечательный, чуткий, он все понимает, просто он слишком добрый. И люди этим пользуются!

– Что за убийство?

Она сидела напротив Марка и смотрела, как он ест. Быстро, но как-то аккуратно, словно за ним наблюдает миллион человек.

– Труп нашли за городом, в посадках. Молодая женщина. Удушена женским чулком.

– Что, и чулок оставили на месте преступления?

– Интересный у тебя ход мыслей! Нет бы спросить что-нибудь о жертве.

– Думаю, она... обнаженная, изнасилованная. Какой-нибудь гад произдевался. Обычно так поступают с молодыми и красивыми женщинами слабые безвольные мужчины, импотенты.

– Она действительно голая, но относительно насилия сказать ничего не могу. Борис говорит, что видимых следов нет. Знаешь, и украшений на ней тоже нет.

– Ограбили. И как только земля таких носит! Марк, хочешь еще кусочек курицы?

– Нет, Риточка, спасибо. Я сыт. Мне пора бежать. Так что мы решили с Леной?

– Пусть приходит. Только не запирайтесь! И постарайся сделать так, чтобы она и во мне тоже нашла подругу. Пусть поначалу это будет трудно, зато потом она уже будет приходить не только к тебе, но и ко мне. Поверь, я найду слова, чтобы утешить ее.

В дверях Марк вдруг вспомнил:

– Послушай меня внимательно и, прошу, не ругайся. Знаю, как ты все это не любишь, но я не мог отказать. Рита, думаю, тебе не надо объяснять, кто такой господин Беленков Петр Андреевич.

– Слышала. Какой-то важный чиновник. Что не мешает ему, между прочим, открывать торговые центры, мебельные магазины, рестораны. И что? Он хочет купить мои картины? – Рита насмешливо сощурилась, понимая, что речь пойдет совсем о другом.

– Нет, Рита. У него есть семья – жена и сын. Так вот, он души не чает в своем сыне, просто обожает его. Я слышал, что это хороший, чистый и честный мальчик, к тому же еще

очень красивый, как ангел. Это не мои слова, мне рассказывал о нем Левка Локотков, он видел парня несколько раз на каких-то общегородских мероприятиях. Не уверен, что Петра Андреевича ты знаешь в лицо, но я скажу тебе – внешность его сына должна произвести на тебя впечатление. Ведь ты любишь красивых людей.

Она действительно любила рисовать красивых людей, и Марк ее заинтриговал.

– Так уж и ангел?

– Говорят – да. Забудь, что он сын Беленкова, и работай в свое удовольствие. Кстати говоря, за портрет папаша обещал выложить довольно круглую сумму. Ну как, ты согласна?

– Не знаю. Я в последнее время столько работала, что у меня совершенно не было времени на семью. Сейчас же, когда у нас есть Фабиола, мне так хочется побыть с ней.

– За Фабиолу не переживай. Я отвезу ее к маме, в Пристанное. Сейчас там просто рай. Майское солнышко, нежная зелень, тепло. Ну же, Рита! Соглашайся!

– А что тебе от этого? Думаешь, тебя повысят по службе?

– Возможно. Я знаю, что недавно освободилось место, о котором я когда-то мечтал.

– А тебе это нужно, Марк?

– Не знаю. Мне нравится моя работа, а что будет, если в моей профессиональной жизни произойдут изменения, – трудно предсказать. Но дело-то как раз не в моей карьере. Может, ты удивишься, если я скажу, что Беленков хочет ка-

ким-то образом приблизиться к нам, к нашей семье. И его жена, видевшая твою последнюю выставку, спит и видит, как, по его словам, познакомится с тобой. Они влиятельные люди в городе. Понимаю, тебе даже слышать все это не очень-то приятно.

– Ладно, Марк. Сначала я посмотрю на этого мальчика, оценю, настолько ли он хорош, как вы все о нем отзываетесь.

– Вообще-то я уже дал согласие, – сдался Марк. – Я не мог устоять перед его напором.

– Понятно, – холодно вато отозвалась Рита. – Если бы это было в первый раз, Марк. Прошу тебя, в следующий раз не решай за меня. Я...

– ...свободный художник, я знаю. Вот и отнесись к этому заказу так, словно ты встретила этого мальчика где-нибудь в толпе и привела домой как интересного натурщика. Взгляни на все это с чисто эстетической точки зрения. Все, родная, я побежал.

– Ты сказал, у вас убийство. Молодая женщина удушена чулком. Сейчас редко носят чулки.

– Правильно. Это и не чулок, а часть от колготок, скажем, одна «нога».

– Тяжелая у тебя работа, Марк. Ладно, иди. Что уж там. – Она поцеловала его у порога. – Вот только как подумаю о Корсаковой, так нехорошо на душе становится!

Марк ушел. Она вернулась в спальню. Фабиола крепко

спала, разметавшись во сне. Рита поцеловала ее в теплый завиток на виске. «Малышка, как же ты похожа на своего отца».

3

– Гера, это я, Даша, открой.

Герман Овсянников открыл дверь, и Даша увидела его растерянное бледное лицо.

– Что с тобой? Ты заболел, что ли? А где Ирина?

– Не знаю. Уже скоро ночь, а ее все нет. Я тут с ума схожу! Ее нигде нет. Постой, вы когда закончили работу?

– Как всегда, в шесть. Она вышла вместе со мной из офиса, сказала, что ей нужно в магазин, и все. Больше я ее не видела.

– А почему ты не пошла с ней в магазин?

Даша так посмотрела на Германа, что тот смутился.

– Извини. Просто я нервничаю. Конечно, ты не должна была идти с ней ни в какой магазин. Может, с ней что-то случилось?

– А что ее телефон?

– Не отвечает. Длинные гудки. Словно она не слышит.

– Странно все это. Вообще-то Ирина – человек ответственный, она бы позвонила, так?

– Так. Но она не позвонила. Даш, да ты проходи, проходи. Извини, я сегодня плохо соображаю.

Даша, отлично ориентировавшаяся в квартире своих друзей, быстро прошла в гостиную, достала сигареты и, придвинув к себе пепельницу, закурила.

– Странно. Вообще-то она отлично знает о том, что я должна к ней сегодня прийти. Я принесла ей крем, который она заказывала. Она давно его хотела. Одна моя подруга приехала из Франции, привезла.

– Дуры вы, бабы, – слабым голосом произнес измученный неопределенностью Герман. – Магазины ломаются от кремов, всякие там дистрибьюторные фирмы их распространяют, но вам и этого мало – подавай из Франции. Крем! Крем – это хорошо. Значит, Ирина знала о том, что ты должна прийти? Послушай, а может, она что-то о нас узнала?

– Ничего она не узнала. Да и вообще, Герман, все это было так давно. И никто, кроме тебя и меня, ничего не знает.

Герман вспомнил, что вот так же, однажды поздно вечером, подруга его жены Даша пришла к ним, как это водится, на огонек, и они долго прождали Ирину, пока та не позвонила и не сказала, что встретила свою одноклассницу и у той день рождения. Словом, чтобы было не скучно, Герман достал коньяку, Даша приготовила ужин на скорую руку, а то, что произошло потом, воспринималось ими обоими как продолжение вечерних удовольствий, не больше. Но только если Даша вспоминала об этом крайне редко, да и то, чтобы подколоть Германа, пошутить, то Герман считал этот случай настоящей изменой Ирине и ужасно боялся разоблачения. Вот и сейчас, когда Ирина не вернулась домой вовремя, он готов был винить в этом себя и предполагать самое худшее, к примеру, что Ирина узнала об их измене (не в меру раз-

говорчивая Даша вполне могла проговориться, точнее, сделать это намеренно, но с таким видом, словно она не нарочно упомянула об этом, просто так, от скуки, это в ее взбалмошном характере) и уехала к матери. Но телефон ее матери молчал – теща еще два дня назад уехала в Египет.

– Может, она у матери? Надо бы съездить, может, она там?

– Да ты позвони соседке, у вас же есть ее телефон, она тебе и скажет, там Ирина или нет, – посоветовала Даша, с хозяйским видом готовя себе кофе в кухне.

Герман знал, что он не нравится Даше, что она переспала с ним тоже просто так, от скуки. У нее, кроме Германа, было полно мужчин, с которыми она проводила время и с которых тянула деньги. Даша была красивой яркой брюнеткой с неестественно-синими глазами («Это не линзы, – говорила она всем, кто обращал внимание на чудесный цвет ее глаз, – честное слово. Это натуральный цвет моих глаз!»). К тому же у нее был пышный бюст, и тоже натуральный. И Герман всякий раз удивлялся, как можно вот так, первому встречному на какой-нибудь вечеринке говорить о том, что и грудь у нее тоже натуральная. Он считал эти объяснения излишними, полагая, что такая красивая женщина, как Даша, должна нести свою красоту с гордостью, ослепляя и восхищая всех.

Ирина тоже была красива, но более сдержанной, интеллигентной красотой – ее роскошные формы сочетались со светло-русыми волосами и серыми, порой с фиолетовым оттенком, как ему казалось, глазами. «Твои глаза меняют цвет,

как александриты», – любил повторять он.

– Ее нет у тещи. – Герман положил трубку и взглянул на Дашу с потерянным видом. – Соседка звонила, стучала и вообще сказала, что давно Иру не видела. Что делать?

– Может, она... того? – нерешительно произнесла Даша, сверкая глазами. – Завела себе любовника?

– Дура ты, Дашка! – в сердцах воскликнул Герман. – Всех судишь по себе! Она не такая, понятно?

– Ну, извини. Я же просто так сказала.

– Ты все и всегда делаешь «просто так». Ты прежде думай, чем говорить, поняла? Я и так места себе не нахожу. Мне вот, к примеру, в голову лезут совершенно другие мысли: несчастный случай или что-то еще...

– Думаешь, ее машина сбила?

– Я тебя сейчас убью! – Герман даже в шутку, но с вполне серьезным видом замахнулся на нее. – У тебя язык, Дарья, как помело.

– Знаю. Но Ирины-то нет! Послушай, а может, она забеременела, ей стало плохо и она сейчас в больнице?

– Я тебе вот что скажу, дурында ты этакая. Слово – оно материально, понимаешь? И нельзя вслух произносить некоторые вещи. Не надо эти понятия как бы вызывать, понимаешь?! Давай сидеть и ждать.

– Эх ты, Герман. И почему только я должна сидеть рядом с тобой и выслушивать все эти гадости? Я, между прочим,

могу и уйти.

Но Герман в это время внимательно рассматривал содержимое большой кастрюли на подоконнике.

– Смотри, тесто! Это значит, что она приходила сюда в обед, чтобы поставить тесто. Ты понимаешь, что это значит?

– Конечно! То, что она ничего на вечер не планировала, разве что испечь пирожки.

Он уже и сам не знал, чего хотел: чтобы Даша осталась и поделила с ним волнительное ожидание Ирины или чтобы она ушла и не раздражала его своими идиотскими предположениями и репликами.

– Знаешь что, Герман? Давай-ка обзвоним больницы. Ты прав, Ирина на самом деле не могла бы вот так взять и куда-нибудь уйти или уехать, не предупредив тебя. И никакого любовника у нее нет, это точно.

Она лгала, чтобы утешить Германа. В душе она презирала его и считала слепым, глухим и совершенно бесчувственным мужчиной, который был настолько уверен в верности своей жены, что не хотел замечать очевидных вещей: дорогих подарков, которые делал Ирине Овсянниковой господин Перекалин (один только массивный золотой браслет с выгравированным на нем леопардом чего стоил!), ее частых отлучек из дома поздно вечером, когда она говорила, что едет к портнихе (которой у нее никогда не было). Вот и сегодня после работы Ирина отправилась не в магазин, как сказала она Герману, а в парикмахерскую.

– Кто будет звонить: ты или я? – Герман вжался в кресло, и Даша в который уже раз уверилась в том, что он трус и вообще жалкая личность.

– Я, конечно, кто же еще?! – Она открыла справочник, взяла ручку и принялась искать номера телефонов больниц.

«А тебе не приходит в голову, что я тебя просто не люблю? Или ты думаешь, что такая великая, что тебя просто нельзя не любить? Да, конечно, я уважаю тебя, ты многого достигла в жизни, ты обошла в этой гонке многих мужчин, став судьей, да и вообще ты – умная баба. Но как не умела ты разбираться в людях, так не умеешь до сих пор. Ты жила рядом со мной, мы с тобой постоянно были вместе, и ты не заметила, что наша совместная жизнь в последнее время стала напоминать театр. Ты спросишь: почему театр? Да потому, что я вот уже три года играю роль верного мужа, в то время как у меня уже давно есть другая женщина, которую я люблю и которая родила мне сына».

Когда Лена вспоминала этот жгучий, жестокий монолог бывшего мужа, ее всякий раз охватывало волнение и щеки ее горели, просто пылали, поднималась температура, ей становилось трудно дышать, а на душе становилось так гадко, так мерзко, что хотелось все бросить и уехать куда-нибудь подальше от этого города. Туда, где ее никто не знает.

Услышать, что твой муж имеет вторую жену, да к тому же еще живет с ней уже три года и у них есть совместный ребенок – как выдержать такое? Она и сама удивлялась, как оста-

лась жива после этого разговора. И ведь ничего не предшествовало этому. Все шло как шло. Спокойная размеренная жизнь. Она пришла с работы и закрылась в кабинете, изучая дела. Муж ужинал с дочерью в кухне. Они позвали ее, но она сказала, что сыта, поела в столовой при суде. Потом Инна куда-то ушла, а Саша вошел к ней в кабинет и сказал, что хочет с ней развестись. Так спокойно это произнес, словно собрался с друзьями на рыбалку.

– Но почему? Что случилось? Я же в воскресенье все приготовила, нажарила котлет. Да и суп есть. Саша!

– Я не люблю тебя.

И это он тоже сказал обыденным тоном. Как если бы отказался от этого злосчастного супа: «Я не хочу суп».

А потом он много чего наговорил. Сначала таким же спокойным тоном, но затем, уже не в силах остановиться, высказал ей всю свою боль, всю свою тоску по нормальной, простой женщине, которая смотрела бы ему в рот, ублажала его в постели, встречала с тапочками у порога. Он так многого, оказывается, хотел, этот мужчина, который ничего особенного-то из себя и не представлял. И почему она должна была быть с ним ласковой, раз не испытывала такого желания? Может, ей следовало еще и ногти ему на ногах стричь? Да она ему даже спину никогда не мыла, считая это недостойным себя! Он приводил в пример жен своих друзей, захлебываясь, твердил, что он, дескать, мужчина и что ему уже по

штату положено быть выше женщины. И она вдруг поняла, что он пьян. Что он немало выпил прежде, чем высказать ей все это. Трезвый он молчал бы, словно его губы залеплены пластырем. Лишь алкоголь был способен сделать его таким храбрым, смешным и нелепым. Но в одном он был прав: она не хотела его как мужчину. Ее тошнило от одного его запаха, и это при том, что он был на редкость чистоплотным, следил за собой. Запах его кожи, его волос, его одежды, даже запах его чистоты вызывал в ней отторжение. Это было на животном уровне, и она ничего не могла с этим поделать. Удивительно, как они вообще зачали Инну.

Пока он говорил, она представила себе жизнь без него и как-то сразу поняла, что ей станет легче, проще жить. Но ее жгла мысль о том, что ее бросили, что ей предпочли другую женщину. И что она, эта чужая женщина, теперь кормит его, моет, стелет ему постель, гладит рубашки и спит с ним в обнимку, как со своим собственным мужем. «Пусть я не люблю его, – возмущалась она в душе, слушая все его в общем-то справедливые упреки, – но он же – мой, моя собственность. Он – мой муж! И мы прожили с ним почти двадцать лет!»

Иногда, в минуты наивысшего эмоционального подъема, когда она чувствовала себя во многом превосходящей других женщин (иногда это случалось, когда она разглядывала себя, покрасневшую, с горящими глазами, в зеркале после какого-нибудь сложного судебного процесса, когда коллеги-женщины хвалили ее, а мужчины-судьи просто восхи-

щались), ей казалось, что муж недостойн ее, он должен радоваться уже тому, что она вообще живет с ним. И цену ему она понимала лишь в минуты болезни, когда он ухаживал за ней, и она, даже не глядя на себя в зеркало, знала, что выглядит отвратительно, и мало кто, увидев ее в это время, сочтет ее привлекательной.

И все же ее бросили. Ее, такую умницу и красавицу! И все узнали об этом. Эта новость сразу же облетела весь город. Стыд затопил все то, чем жила Лена последние годы, чем гордилась: это была ее собственная самооценка. Развод надломил ее, лишил уверенности в правильности своих поступков. А это для судьи недопустимо. Как она может судить людей, если не уверена в том, что поступает верно? Кроме того, в каждом деле есть две стороны, и вынести приговор, чтобы удовлетворить сразу обе, почти невозможно. Особенно если речь идет о тяжких преступлениях, за которые дают большие сроки. Теперь же, когда в лице мужа она стала ненавидеть всех мужчин, ей стало казаться, что прежде она выносила по отношению к мужчинам-преступникам мягкие приговоры и что надо было давать им сроки побольше. Чувство справедливости в ней притупилось, и ей стало страшно за свое будущее, за свою карьеру.

Единственным человеком, с кем ей хотелось посоветоваться и кому она могла бы открыть душу, был Марк Садовников. Ее однокурсник, человек, чьим мнением она всегда

дорожила и которого воспринимала исключительно как верного и преданного друга. Марк не мог не помочь ей справиться с ее душевным кризисом. Конечно, он был уже женат, причем женой его была известная художница Рита Орлова, которую он любил без памяти. Но тем более, рассуждала Елена Корсакова, человеку с устроенной личной и профессиональной жизнью будет не так уж и трудно протянуть руку помощи другу. Для начала требовалось найти причину первого визита к Марку, и поэтому, чтобы не обидеть Риту, она решила сделать вид, что интересуется ее картинами. Но если первым ее желанием было просто войти в их дом, чтобы потом заполучить себе на некоторое время Марка, то, оказавшись в мастерской Риты, она поняла, что и понятия не имела о том, насколько талантлива жена Марка, и любовалась ее работами искренне и даже получая от просмотра удовольствие.

– Марк, я и не знала, что, глядя на натюрморты, написанные твоей женой, можно испытать такой восторг и зарядиться энергией, – говорила она, переходя от одной картины к другой. – Рита, я слабый знаток живописи, но мне ужасно нравятся все ваши работы, без исключения. Я пришла к Марку, чтобы поговорить о своих профессиональных проблемах, и в мастерской оказалась как бы случайно. Но говорю честно – я в восторге!

Рита и сама была как картинка: яркая, нежная, одетая во все бело-розовое и благоухающая духами. Она была похожа

на волшебницу, которая разрисовывает холсты одним взмахом руки. Трудно было представить себе эту чистенькую и аккуратную женщину в промасленном рабочем халате и с потемневшими от засохшей краски кистями, зажатыми в пальцах.

Рита лишь снисходительно улыбнулась, и Лена поняла состояние ее души: в ней вспыхнула ревность. Она часто видела женщин, которых одно лишь ее появление ввергало с унижительное для них состояние этой самой ревности. Лена Корсакова привыкла, что нравится мужчинам, и часто ловила на себе недобрые взгляды потенциальных соперниц. Вот и Рита оказалась такой же, как все. Хотя, появившись Рита в их доме, возможно, сама Лена Корсакова приревновала бы ее к своему мужу. Получалось, что они стоили друг друга.

– Я бы хотела купить у вас два натюрморта: с незабудками, вот этот, и с дыней. Мне кажется, что сама картина источает сладкий запах дыни. Ее так и хочется лизнуть, так много сока. А цвет! Розовый с желтым. Должно быть, вкусная была дыня.

После ужина Марк пригласил Лену в свой кабинет. И, оказавшись вдвоем, они словно шагнули в свое чистое студенческое прошлое: Марк снова принадлежал ей на правах друга. Он внимательно слушал ее, и она чувствовала, что он неравнодушен к ее проблемам, сочувствует ей и переживает вместе с ней. Особенно его возмутил Сашин поступок, который

обманывал ее с другой женщиной в течение трех лет. И тогда Лена поняла, что сам Марк не способен на такую подлость, и если даже допустить, что он когда-нибудь влюбится в другую женщину, он никогда не станет скрывать этого от жены, напротив, все ей расскажет и постарается сделать их разрыв безболезненным. Хотя разве можно расстаться с Марком без боли?

Он посоветовал ей абстрагироваться и продолжать жить дальше. Он говорил ей, что она – судья, и от того, в какой она находится форме, зависят судьбы людей. Конечно, он повторял то, что она говорила самой себе, но ей все равно было приятно осознавать его поддержку. Еще Лена поймала себя на том, что рядом с ним она уже не чувствует себя так тяжело, как оставаясь в одиночестве. Дома все напоминало ей постыдное расставание с мужем – каждая мелочь, каждый обнаруженный где-нибудь в углу носок, галстук. После развода у нее испортились отношения с дочерью. Инна заявила, что она уже взрослая, совершеннолетняя и вправе строить свою личную жизнь. Лена случайно увидела парня, с которым встречалась Инна, и пришла в ужас: ничтожество с грязными волосами и глазами подонка. Она так и сказала дочери. Неопределенного возраста, неопределенных занятий, неопределенного характера и неопределенного финансового положения «нечто» мужского пола.

– Мы снимем квартиру и будем жить самостоятельно, – заявила Инна, собирая вещи в дорожную сумку.

– На что вы собираетесь жить? – простонала Лена. – Ты же студентка! А он, чем занимается он?

– Он еще молод, мама, а потому находится в поиске, – легкомысленно, чуть ли не насвистывая, чтобы позлить мать, ответила Инна. – Мы – молодые, понимаешь? И мы не можем жить по тем меркам, по которым живешь, к примеру, ты.

– Но это общепринятые мерки, Инна! Без денег человек не может прожить, ему нужно питаться, одеваться. Оплачивать жилье. А я не собираюсь этого делать. Одно дело – содержать дочь, студентку университета, я просто обязана это делать, а другое – кормить бездельника, в которого влюбилась моя дочь! Если он думает, что вправе считать себя чуть ли не твоим мужем...

– Да каким там мужем, мама! Просто мы с ним будем жить вместе, вот и все!

Она была непробиваема, эта Инна. Она откровенно издевалась над ней. И о возрасте намекнула неспроста. Дочери кажется, что мать в ее тридцать восемь лет – уже старуха. Посмотрим, как она запоет, когда ей самой будет под сорок! И вообще, как она может вот так намекать матери, что у нее не сложилась личная жизнь, что ее бросил муж? Еще недавно она была такой прилежной, спокойной девочкой, слушалась родителей. Это Саша во всем виноват, это он все испортил. Сломал все представление о семье и браке, как раз когда дочь находится в таком сложном возрасте, со всех берет пример. Конечно, раз в семье бардак, то и в голове ее все

спутается, она потеряет все те ориентиры, которые ей прививали с самого детства, и сломает свою жизнь. А если она забеременеет от этого парня с грязными волосами?

И дались Лене эти грязные волосы! Но она твердо считала, что человек, не моющий голову, лишен внутренней гармонии. А если так, он не сможет найти себя в жизни и ничего не достигнет. Зачем такой муж Инне?

...Так захотелось горячего чаю с мятой, а сахара не было. Закончился. Елена слонялась в халате по пустой огромной квартире и спрашивала себя: правильно ли она жила, раз теперь, в самом расцвете лет и сил, осталась одна? У нее появилась власть над людьми, деньги, но она потеряла семью, близких ей людей. И что проку ей от того, что время от времени она носит мантию, в которой вершит судьбы людей?

А еще в ней поселился страх. Если раньше, когда ей звонили с угрозами, она лишь усмехалась, отчего-то зная, что они останутся лишь угрозами, то теперь они словно приняли реальные очертания. Взять, к примеру, последнее дело. Группа парней, настоящих бандитов, в пьяном угаре ограбила продуктовый магазин на пристани, пила с ночи до утра, а утром забила насмерть двоих рыбаков. Рыбаков на самом деле было трое, но один остался в живых. И это при том, что его тоже хотели убить как свидетеля, даже отвертку ему в ухо заколачивали, по голове били, бросили в камыши, а он остался жив, пришел в себя, а потом описал их, убивших

его друзей. Бандитам она дала по десять лет, и вот теперь их дружки называют ей и угрожают расправой.

И как теперь жить? Ходить с охраной, прижимая к груди пистолет и никуда не высываясь из квартиры? Откуда взялся этот страх? Марк говорит, что ей надо носить при себе оружие и быть крайне осторожной.

Но так чаю хочется! Идти к соседке в половине одиннадцатого вечера – разбудить ее. Она рано ложится.

Лена решила выйти, прогуляться перед сном, зайти в расположенный рядом с домом супермаркет, работающий круглосуточно. Она делала это не раз и никогда ничего не боялась. А сейчас ей стало по-настоящему страшно. Тем не менее она оделась, положила пистолет в карман джинсовой куртки и вышла из квартиры. Она отошла до дома на несколько метров и почувствовала, что за ней кто-то идет. Неужели за ней следят, и ей придется отстреливаться?.. Она прибавила шаг.

– Петр Андреевич! – Марк даже привстал, увидев в дверях своего кабинета Беленкова. – Вот не ожидал!

Ему и самому было стыдно, что он так разволновался при виде этого ворюги-чиновника. Но что-то ему подсказывало: все, что говорят о нем, сплетни – все это вызвано завистью к удачливому в делах и умеющему держать власть в своих руках сильному человеку. На самом деле Петр Андреевич Беленков представлялся ему симпатичным, добродушным мужчиной, с которым можно договориться. С таким, как он, можно делать дела, пить водку, не боясь, что сказанное тобой в пьяном виде будет слито в уши недоброжелателей. Но разве Рите это объяснишь?

– Садитесь. Хотите кофе? Чаю?

– Нет, Марк, ничего не надо. Я хотел спросить тебя о твоей жене. Ну как, она согласилась?

– Понимаете, моя жена – женщина своенравная, свободлюбивая и пишет портреты людей, которых подбирает на улице. Вот понравится ей лицо в толпе, она знакомится с этим человеком, приводит его в наш дом, объясняя мне, кто этот посторонний, и пишет его портрет. Так, для себя. Да еще и приплачивает натурщику или натурщице. Как правило, это люди простые, часто – бедные. Но после того, как портрет готов, она старается не контактировать с этими

людьми, держит дистанцию. А тут – ваш сын. Конечно, это чувство ответственности ее будет напрягать.

– Так она отказалась? – Он горько улыбнулся одними губами.

Беленков выглядел респектабельно, если не роскошно. Отлично сшитый серый костюм, белая, в тонкую розовую полоску, рубашка, розовый с серым перламутром галстук. Спокойное гладкое лицо, умные глаза.

– Нет, она согласилась, когда я сказал ей, что ваш сын наделен неординарной внешностью. Она любит красивые лица. Дай ей волю – она организует клуб красивых людей.

– По-моему, ваша жена – большая оригиналка. Давно мечтал с ней познакомиться.

– Вот и познакомитесь. Только предупредите заранее, чтобы она подготовилась. – Больше всего Марк боялся, что Риту застанут врасплох, за работой, всю в краске и пахнущую скипидаром, или, того хуже, в домашней одежде, расслабленную, к примеру, после ванны, с тюрбаном из полотенца на голове и какой-нибудь маской на лице.

– Нет-нет, пусть она не переживает и ничего такого не придумывает. Это мы с Наташей сочтем за честь пригласить вашу семью к нам на ужин. Думаю, после того, как мы познакомимся поближе и когда она увидит и Костика, и Наташу, она поймет, что мы – простые, гостеприимные люди.

– Хорошо, спасибо.

– Кстати, о моем сыне. Он подает большие надежды. По-

нимаю, не очень-то хорошо расхваливать свое дитя, но он у нас действительно на редкость талантливый мальчик. Я помог ему открыть дизайнерское бюро, и у него, представьте себе, у этого юноши, сейчас столько заказов, что он подумывает даже открыть филиал в Москве. Ему уже подыскивают там помещение под офис. Думаю, половина его команды тоже переедет туда. Вот только боюсь, что и Наташа, жена моя, тоже меня бросит и поедет в Москву следом за сыном – заботиться о нем, варить ему щи и печь пирожки. Ну да ладно, что-то я сегодня разговорился. Значит, Маргарита согласилась. А это – главное. Передавайте ей большой привет от всех нас. Всего хорошего, Марк Александрович. Я позвоню вам, чтобы сообщить точную дату и время ужина.

Он ушел. Марк долго еще смотрел на дверь, спрашивая себя – хочется ли ему знакомиться и дружить с этой семьей? И как отнесется Рита к тому, что ей все же придется писать портрет парня, который может ей и не понравиться? Да и станет ли она это делать? Она же такая... в любую минуту может передумать.

В кабинет влетел Локотков.

– Лева, мы что, горим? – осадил его Марк. – Что ты летаешь по коридору, как вертолет?

– Не знаю. Думаю, что, если увеличить темп жизни, успеешь больше, – философски заметил раскрасневшийся от движения и успевший вспотеть Лева. Он был молод, полон

сил и оптимизма. Рядом с ним Марк чувствовал иногда себя старой развалиной, человеком угасающим и склонным к ипохондрии.

– Еще один труп, – выдохнул наконец Локотков и откинулся на спинку стула, расслабился. – Уф!

– Какой? Где?

– Там же, в тех же самых посадках, только подальше, недалеко от железнодорожного переезда. Молодая женщина. И нашел ее, представь себе, тот же парень, из местных.

– Говорю же, у меня пропала жена! Я понимаю, у вас свои правила, надо подождать три дня или что-то в этом духе, а я вам говорю, что моя жена – не такая женщина, которая может исчезнуть, уехать, не предупредив и не позвонив. Возможно, конечно, что ей стало, предположим, плохо на улице и ее подобрала «Скорая». Мы с ее подружкой обзвонили все больницы – женщин с ее приметам не поступало. Но если она исчезла так, как исчезают все те люди, о которых постоянно показывают репортажи по телевизору? Может, ее напоили чем-то или сделали укол и куда-то увезли? Вы поймите, я схожу с ума! Вот, посмотрите на фотографию. Она молодая, красивая... прошу вас, начните действовать! Вы же можете оформить мое обращение, скажем, задним числом, как если бы я пришел к вам три дня назад. Я могу и денег дать, если вы пойдете мне навстречу.

Герман Овсянников дрожал и ничего не мог поделать с этой гнусной дрожью. Подумалось еще, что вот так, вероятно, дрожат люди перед пытками, перед смертью... его просто всего колотило изнутри, и контролировать этот процесс он не мог. Плюс к этому, от страха и нехорошего предчувствия у него разболелся живот. Дашка тоже сказала, забывшись, что он все же не ее подружка, а мужчина («любовник на пятнадцать минут», так она его охарактеризовала, дури-

ща), что у нее болит живот. «Это нервное», – заключила она и помчалась в туалет. У нее все – «нервное». Она сама такая, нервная, непоседливая, да к тому же еще и паникерша. Вместо того чтобы успокоить его, довела до стрессового состояния, до дрожи во всем теле. Даже зубы его стучали. Надо было выпить, и побольше, а уж потом ехать в милицию.

Молодой милиционер слушал его и кивал головой. Да, он со всем согласен, он понимает, но ничего поделать не может. Герман вдруг ощутил такую тоску и печаль, что устало опустился на деревянную скамейку для таких же, как и он, печальных посетителей (вряд ли сюда заглядывают на огонек счастливые люди), расставил ноги, опустил голову и крепко стиснул ее руками. Где-то глубоко внутри него кто-то стонал и рычал, выл и кричал. А в груди появилась стойкая, твердая, как металл, боль, словно в самую его душу вбили острый кол.

Он слышал, что где-то поблизости произошло какое-то движение, кто-то пришел, что-то сказал, после чего его тронули за плечо, и уже другой милиционер спросил его, нахмурив брови:

– У вас имеется фотография вашей жены?

– Сто!!! – Герман достал из кармана приготовленную заранее пачку снимков с изображением Ирины. – Держите.

Милиционер быстро пробежал по ним взглядом, потом кивнул, бросил быстрый и какой-то болезненный взгляд в сторону своего коллеги, который только что объяснял, что

милиция пока-де бессильна ему в чем-то помочь, после чего показал Герману плохую – мутную, словно присыпанную черной пылью, ксерокопию другого, большого снимка с изображением женщины. Белое одутловатое лицо, прикрытые глаза. Он не понял, зачем ему показывают эту некрасивую женщину.

– Скажите, вам знакома эта женщина? – запинаясь, спросил его первый милиционер.

– Не знаю... не понял. Вы хотите сказать, что это Ирина?! В ушах у него зазвенело. Но даже через этот пространственный гул он ясно услышал, как милиционер разговаривает с кем-то по телефону.

– Марк Александрович? Сержант Ванеев из сорок пятого отделения милиции. К нам обратился гражданин Овсянников, он утверждает, что у него вчера пропала жена. Фотографии гражданки Овсянниковой Ирины Владимировны по всем приметам совпадают с полученным снимком от 14 мая. Есть. Понял.

А потом его куда-то повезли. Он сидел в одной машине со следователем прокуратуры Марком Александровичем Садовниковым – немногословным, с умными глазами мужчиной. Рядом с ним Герман почему-то почувствовал себя защищенным.

Он никогда прежде не был в морге. Поэтому, переступив

порог этого мрачноватого, тускло освещенного здания, понял, что сейчас случится что-то ужасное. Что его привезли сюда не просто так: снимок той женщины с раздутым лицом и слегка приоткрытыми, но какими-то неживыми глазами может иметь прямое отношение к Ирине. В это не хотелось верить.

Но вдыхал же он мерзкий запах разлагающихся тел, смешанный со стойким запахом формалина? Ему же это не снилось — что он входит в не совсем чистое, выложенное столетней потрескавшейся плиткой помещение, плетется, не чувствуя своих ног, за следователем, видит на металлическом столе тело, прикрытое простыней.

Тучный человек в несвежем медицинском халате и с тонкой дамской сигареткой в зубах откинул угол застиранной, желтоватой, в пятнах простыни, и Герман увидел знакомые глаза... нос... рот. Спутанные волосы, сероватая кисть руки, показавшаяся из-под сползшей с тела простыни. словно эта женщина, похожая на Ирину, хочет дотронуться до руки Германа, подержаться за нее.

Он отшатнулся. Увидел приближающиеся к нему вытертые, в темных трещинках, плитки пола, потом промелькнул высокий, как пасмурное небо, потолок, и Герман потерял сознание.

– Оля жила с котом. Некоторые молодые женщины живут с мужьями, с детьми. А Оля жила с котом. Словно он был ей другом или братом. Она с ним разговаривала, кормила его тем же, что ела сама. У него даже место свое было за столом. Бывало, приду к ней, а они сидят себе за столом, ужинают.

Соседка убитой Ольги Погодиной сначала говорила, чуть не плача, а потом в голосе ее зазвучали нотки раздражения. Видно было, что достал ее этот котяра.

Марк представил себе жизнь одинокой молодой женщины, которая всю свою любовь и нежность обратила на животное – кота.

– Понимаете, он так орал всю ночь, почти кричал, как человек! – Рыжеволосая пухлая женщина, соседка Погодиной, нервно теребила край своего вязаного жилета. – Вот я и подумала: Оли нет, это факт, иначе кот так не мяукал бы. Если она, к примеру, куда-нибудь уходила, в театр или к подружке, то оставляла Жану... Жан – так зовут кота... оставляла Жану еду и воду. Обычное дело. Так поступают все. Думаю, что и она, когда уходила на работу, например, тоже оставляла ему еду, и сухой корм, и консервы специальные, кошачьи. Значит, он уже все съел. Вернее, все это означает, что Оли долгое время нет дома.

У соседки были железные нервы. Она уже опознала Ольгу

Погодину в судебном морге и теперь, после этой нервной для всех процедуры, вела себя на редкость спокойно. И возбуждение если и охватывало ее, то лишь на время, когда до нее вдруг доходило, что она находится в стенах кабинета следователя прокуратуры и ее показания крайне важны для следствия. К тому же она считала, что совершила героический подвиг, заявив в милицию об исчезновении соседки. Таким образом, труп женщины, обнаруженный за городом, был опознан в считанные часы.

– Хорошо, что у меня был запасной ключ от ее квартиры. Олечка сама мне его дала, говорила, – не дай бог, что-то случится, чтобы всегда был запасной ключ. Разве могла она предположить, что такое произойдет?! Ну вот, я открыла дверь, первым делом нашла на полке консервы, чтобы дать их Жану, он орал как оглашенный. Воды опять же налила ему. Потом осмотрела квартиру. – А она какая-то неприбранная, вещи были разбросаны. Нет, не то чтобы в квартире был кто-то посторонний и рылся в вещах Олечки, нет. Все как раз наоборот. Видно было, что она словно сама куда-то собиралась. На кровати платья были разложены, словно она никак не могла выбрать, какое же ей надеть. Белье, опять же. Туфли. Пудра рассыпана в ванной комнате, да и полотенца мокрые. А в спальне пахнет лаком для волос. Я знаю этот запах, у меня точно такой же лак. Оля вообще-то следила за чистотой в квартире, а тут она словно куда-то собиралась, нервничала. А может, наоборот, это было приятное волне-

ние.

– Скажите, у нее был мужчина? Друг? Любовник? Ухажер?

– Не знаю. Может, и был, – порозовела соседка. – Но я не видела.

– Вы не заметили, из квартиры ничего не пропало? Что-нибудь ценного?

– Так, на первый взгляд как будто ничего. Но, с другой стороны, я же не лазила по шкафам, ящикам, сумкам.

– Где работала Ольга?

– Да нигде, – сердито отмахнулась соседка. – Сначала работала где-то секретаршей, но потом уволилась – платили мало.

– Она искала работу?

– Нет, не думаю.

– А на какие же средства она жила?

– Может, мать ей что оставила? Не знаю. А спрашивать было неудобно.

– Но были у нее какие-нибудь драгоценности, золотые вещи? – Марк едва не зевнул, задавая эти дежурные вопросы. Хотя они были крайне важны. Ведь, если девушка не работала, но ни в чем не нуждалась, значит, был человек, который ее содержал и, вполне возможно, имел отношение к убийству.

– Были, конечно, были. Как не быть?

– Вы поедете с нами на квартиру Погодиной. Посмотрите,

может, что-то и вспомните.

– Конечно. Буду рада помочь следствию, – сказала она торжественно. – Господи, она же умерла! Никак не могу привыкнуть к этой мысли. Надо же – удушили! А где ее одеж-да-то, я хотела спросить? Там, в морге, она без одежды.

– Ее так нашли – без одежды. Может, вспомните, во что она была одета, когда вы видели ее в последний раз, какие на ней были украшения, хорошо?

– Да-да, я постараюсь вспомнить. Бедная девушка, за что ее так?

– Тамара Серафимовна, имя Ирина Овсянникова вам ни о чем не говорит? – спросил Марк на всякий случай.

– Как вы говорите? Овсянникова? Нет, что-то не припоминаю. Но если вспомню, обязательно скажу вам. Ирина... Нет, думаю, у меня не было таких знакомых. А что?

До супермаркета она дошла без приключений. Человек, идущий за ней, куда-то свернул. Во всяком случае, обернувшись спустя несколько минут, Елена поняла, что на улице она совершенно одна. Вокруг было тихо. Она вошла в супермаркет, взяла тележку и покатила ее вдоль заставленных продуктами стеллажей. Оказывается, таких полуночников, как она, было не так уж и мало. В основном это были мужчины, которые с равнодушным видом наваливали в свои корзины упаковки с пивом, чипсы, кетчуп, сосиски и пакеты с пельменями. Дома их ждал, судя по всему, холостяцкий ужин.

Лена же складывала в свою тележку принципиально другую еду: мюсли, кефир, молоко, творог, сахар, печенье, вишневый джем. Уже перед кассой решила заехать в мясной отдел и купить охлажденную курицу, чтобы сварить суп. Вспомнила, что у нее нет моркови, и медленно, не спеша покатила в сторону овощей и фруктов. Пакет моркови, зелень, два апельсина, виноград. Мысль о том, что все это ей предстоит нести в пакетах, в руках, что она, забывшись, набирает столько продуктов, словно поедет в машине, пришла ей в голову только возле кассы. Но отступать уже было поздно. Четыре тяжелых пакета. Ничего, как-нибудь донесет. В кармане джинсовой куртки дремал пистолет. Интересно, как поведет

она себя, если столкнется с теми, кто может подкарауливать ее возле дома? Бросит пакеты на землю, схватит пистолет и начнет палить в преступников? Ну не смешно ли?

Расплатившись, она вышла на улицу. Тихо, словно и нет никого. В нескольких шагах от нее мужчина выкладывал из корзины пакеты в багажник «Рено». Вот сейчас он повернется и выстрелит в нее прямо в упор, в самое сердце. И тогда все, кто предал и бросил ее, будут рыдать у ее могилы. Жаль только, что она этого не увидит. Она вспомнила Инну и чуть не расплакалась. Почему Инна-то ведет себя так? Неужели не понимает, как матери сейчас трудно?

Уже возле самого дома она услышала сзади себя шаги, прибавила ходу. Пакеты оказались тяжелыми. Или она просто отвыкла носить тяжести? Она быстро вошла в подъезд, мучаясь с пакетами, дверь не успела захлопнуться, как не успел сработать и кодовый замок, и следом за ней вошел молодой мужчина. Добродушное лицо, в одной руке пакет, точно такой же, как и у нее, белый, с красными буквами, а в другой. Пистолет? Нож?

– Елена Викторовна? Извините, что напугал вас. Не бойтесь, я не вор и не бандит. Просто увидел вас в магазине, узнал. Смотрю, вы идете с тяжелыми сумками.

Неужели у бандитов бывают такие симпатичные, открытые лица? Или она перестала разбираться в людях?

– Вы кто? – побледнев, спросила она. Двери лифта открылись, но войти туда она не решилась.

– Моя фамилия Гурьев. Зовут меня Сергей Я был на суде, где вы рассматривали дело моего брата, Андрея Гурьева, который отвоевывал, если можно так выразиться, свое право видеться с сыном. Они с женой развелись. А я выступал в роли свидетеля, рассказывал о том, каким прекрасным отцом является мой брат.

Она закрыла глаза. Щеки ее запылали. Ей стало стыдно за все эти страхи и за свою память, которая так предательски подвела ее. Ну конечно, она где-то уже видела это лицо, но никак не могла вспомнить. Конечно, это брат того Гурьева. Глядя на него и слушая его показания, она тогда представляла себе семью, где воспитывались оба брата, и спрашивала себя (причем уже не первый раз) – а справедлив ли закон, стоящий на стороне матери? Молодая, со взглядом хищницы, женщина, жена Гурьева, держалась на процессе уверенно, потому что знала: как бы ее бывший муж ни пытался вернуть себе сына, единственное, на что он может рассчитывать – это видеться с ребенком в определенные дни и часы. Бедолага. И кто знает, какого сына вырастит эта мамаша без отца? И не лучше ли было бы, чтобы мальчика воспитывал добрый, тихий, интеллигентного вида отец, который к тому же еще и неплохо зарабатывает?

– Да-да, я вспомнила вас. Но вы действительно меня напугали.

– Да я понял. Читал, какая у судей опасная работа, на вас нападают, угрожают, в вас стреляют. Но сейчас у вас немного

поднимется настроение.

С этими словами он достал из своего пакета букет розовых тюльпанов.

– Это вам.

– Спасибо. – Она машинально нажала еще раз на кнопку вызова лифта, двери снова раскрылись, и они вместе вошли туда. Сергей Гурьев подхватил ее сумки.

– Знаете, увидев вас, я все ходил за вами по супермаркету, смотрел и думал – хоть бы не ошибиться. Но потом решил, что это все же вы. У вас такое лицо. Я понимаю, сейчас ночь, и вы, вероятно, ужасно устали, у вас работа такая... нервная, ответственная. Но все равно, я рад, что смог поговорить с вами, подарить вам цветы. Вы не думайте, я сейчас уйду. Я же понимаю, у вас семья и все такое. Но ваш муж не увидит меня, я вас только провожу, и все.

Они вышли из лифта. Лена Корсакова посмотрела ему прямо в глаза. Подумала – какой красивый молодой человек! Зачем он пошел за ней? Просто так? Потому что у него было свободное время и он увидел знакомое лицо? Но тогда зачем цветы? Он мог бы просто понять, что он не ошибся и она – та самая судья, которая вела процесс его брата. Понять и на этом остановиться, успокоиться, как человек, который какое-то время мучительно вспоминал, где он видел кого-то, и наконец вспомнил. Но цветы. К чему это? Да еще какие – роскошные, дорогие! Крупные, розово-зеленые, как попугаи, тюльпаны. Они прекрасно будут смотреться в зеленой

продолговатой вазе толстого стекла.

– Враги? Нет. У нее не было и не могло быть врагов. Она была такая тихая, скромная, старалась ни с кем по работе не конфликтовать.

– Где она работала?

– В одной компьютерной фирме. Она вообще по природе своей технарь, всегда лучше меня разбиралась в технике, электронике, о компьютере я уж и не говорю.

Герман рассказывал постороннему человеку о своей погибшей жене так, словно он только что обрел друга, которому можно довериться, выложить всю подноготную и, конечно же, поплакаться в жилетку – настолько Марк Александрович стал ему в этот час близок.

– В каких отношениях вы были со своей женой? – Марк говорил тихим, спокойным, почти интимным тоном, словно боясь нарушить ту человеческую душевную связь, образовавшуюся между ними, которая, как он полагал, могла лучше помочь ему понять, чем жила погибшая Ирина Овсянникова.

– В нормальных. Мы нормально с ней жили. Не могу сказать, что это была безумная страсть, но в наших отношениях присутствовала нежность. – Он сказал это, и сердце его переполнилось и одновременно сжалось от гордости за то чувство, которое он питал к своей жене. На миг ему показалось,

что она жива и что он делится своей личной жизнью с Марком по какой-то другой, не трагической причине, что они просто ведут душевную беседу, как два мужика, оказавшись, к примеру, в одном купе, за «рюмкой чаю».

– Герман, я должен вам сказать, что смерть вашей жены, возможно, не случайна и что она может быть связана со смертью еще одной молодой женщины, чей труп мы обнаружили примерно в том же самом месте, что и Ирину. Тот же самый способ убийства, и та женщина тоже была без одежды. Вы не знали женщину по фамилии Погодина? Ольга Погодина?

– Нет. Не слышал. Ее тоже удушили?

– Да. Если вашу жену убили тринадцатого мая, то Ольгу Погодину – на следующий день, четырнадцатого. Возможно, что эти убийства как-то связаны с ограблением, но, я полагаю, ваша жена не носила при себе миллион долларов?

– Нет. У нее были, конечно, деньги, она неплохо зарабатывала. Думаю, больше даже, чем я. Но чтобы ее ограбили? Нет, не думаю.

– Вы не могли бы припомнить, во что была одета ваша жена в тот день?

– Я отлично знаю, в чем была Ирина. Я словно вижу ее перед собой. Она была очень хорошо одета, причесана, и украшения на ней тоже были. Сейчас я сосредоточусь.

Марк слушал, зная, что весь разговор записывается на

диктофон.

«...серый шелковый костюм, черные туфли, белый газовый шарф. Сумка из натуральной кожи, серая, со вставкой с шахматным черно-белым рисунком. Из украшений – золотая цепочка, браслет с выгравированным на нем леопардом. Обручальное кольцо и перстень с искусственным бриллиантом. В сумке был еще носовой платок с вышитыми незабудками. Духи японские, зеленый флакон, на «Ш», название точно не могу припомнить. Сигареты «Парламент», легкие. Зажигалка серебряная, мой подарок, телефон».

– Скажите, Марк Александрович, мою жену изнасиловали?

«И Ольгу Погодину тоже не насиловали, – подумал Марк. – Неужели убили из-за денег и украшений? Хотя почему бы и нет? Подонков полно».

– Вы вот сказали, что перстень с искусственным бриллиантом.

– Да, я это точно знаю, потому что камень большой, и ни я, ни моя жена – мы бы не смогли позволить себе купить такой бриллиант. Но смотрелся он, как настоящий. Просто шикарно! И браслет, он был из дутого золота, легкий. Ирина сказала, что купила его на выставке ювелирных изделий в магазине «Золотой мир», на набережной.

– Это вы знали, что украшения не много стоили, но преступник мог подумать, что все это настоящее, дорогое. Когда вы видели вашу жену в последний раз?

– Тринадцатого мая, как раз в тот день, утром, когда она собиралась на работу. У нее было отличное настроение. Позже, вечером, к нам пришла ее подруга, Даша. Надо сказать, она ее близкая подруга, и они всегда прекрасно ладили. Так вот, Даша сказала, что Ирина сразу после работы отправилась за покупками. Но перед этим они договорились, что Даша придет к ней вечером и принесет какой-то там крем. Вот она и пришла. А Ирины нет. Мы с Дашей довольно долго прождали, пытались понять, что с ней могло случиться и куда она делась. А потом я совершенно случайно на подоконнике в кухне обнаружил большую кастрюлю с тестом. Оно вылезало через край. Вы знаете, о чем это говорит? О том, что Ирина приходила домой в обеденный перерыв, вернее, приезжала на маршрутке, это быстро, минут десять от ее работы. Приехала, поставила тесто, чтобы вечером что-то испечь. Значит, она никуда не собиралась.

– Выходит, так, – согласился с ним Марк. – Еще хочу спросить. Вы так красочно описали, как была одета ваша жена. Она всегда одевалась так, изысканно, я бы сказал? Серый шелковый костюм. Не джинсы с майкой или кофтой, как предпочитают многие женщины.

– Она всегда одевалась красиво. Я понимаю, к чему вы клоните. Не собиралась ли она куда-нибудь после работы, к примеру, да? Нет, не думаю. Она всегда выглядела так, словно собиралась в гости. И тот день не был исключением.

– А что делали вы между девятнадцатью и двадцатью ча-

сами тринадцатого мая, Герман?

– Я ждал этого вопроса. Ничего я не делал. Сидел дома. Вернее, лежал на диване и спал. А потом, когда проснулся и взглянул на часы, я понял, что Ирины нет и что это очень странно. После сна у меня была тяжелая голова, мне надо было прийти в себя. Но вскоре появилась Дашка. Вот с этого момента все и началось. Все страхи, переживания. У меня нет алиби, Марк Александрович. Но я не убивал свою жену! Как не убивал и ту, другую. Я же не маньяк какой-то. Но, мне кажется, вы найдете убийцу. Найдите его.

Психологически она была уже готова к появлению в ее доме сына Беленкова, ей было даже интересно, что же такое он собой представляет, если даже мужчины отзываются о нем, как о красавчике. Смазлив? Симпатичен? Или же все-таки он наделен редкой природной красотой, как молодой Ричард Чемберлен?

Рита представила себе: дверь ее мастерской раскрывается, и она видит Чемберлена, его нежную улыбку, чувствует на себе его взгляд, словно прокалывающий ее до самых пяток. Смогла бы она написать его портрет, постоянно чувствуя на себе этот взгляд, устояла бы, очарованная, перед ним, сохранила бы верность Марку?

Раздался звонок, она улыбнулась. А вот и будущий натурщик.

Увидев на пороге бледную, красивую, в каплях дождя Лену Корсакову, она с трудом сдержалась, чтобы не захлопнуть дверь прямо перед ее носом.

– Проходи. – Рита уже забыла, как обращалась к ней – на «ты» или на «вы». Да это теперь и неважно. Снова пришла жаловаться на свою жизнь Марку! С какой стати? Все ее договоренности с мужем забылись – она видела перед собой законченную эгоистку, которая стала считать этот дом чуть

ли не своим. Да еще хочет записаться в подружки к Рите!

– Я понимаю, Рита, что утомила вас своими визитами, но, правда, мне и пойти-то некуда. У меня сейчас такое состояние, что мне, честно говоря, даже все равно, что ты обо мне подумаешь.

Видно было, что Лена не в себе. Даже не ожидая дальнейшего приглашения, она прошла в кухню, села с измученным видом и посмотрела в окно, словно там, где-то на облаке, сидел и смотрел на нее участливым взглядом ее товарищ – Марк.

Потом резко повернулась, сверкнула глазами, и Рита поняла, что Лена близка к истерике.

– Ну что еще случилось? – чуть ли не простонала Рита.

– Я умом понимаю, что не должна так часто у вас бывать, но у меня такое чувство, словно жизнь меня скручивает, как удав. Я, взрослая женщина, да к тому же еще и судья, чувствую себя слабой. Ты знаешь, у меня был муж. Причем муж – так себе. Ничего особенного. Но мы жили вместе. Он постоянно был рядом. Оказывается, он был моей опорой, а я этого не понимала. Пусть этот брак давно изжил себя в самом хорошем смысле слова, но он был вроде друга, близкого человека.

– Чай? Кофе?

– Кофе. Так вот. Ты же все знаешь. И о дочке моей тоже. Я вот только никак понять не могу, что меня больше выбило из колеи – уход Саши или Инны? Я представляю себя, что Инна

вернулась, у нее что-то там не получилось в ее новой жизни с молодым человеком. Что буду чувствовать я? Радоваться? Или же ждать, что она снова выкинет какой-нибудь фортель?

– Думаю, если бы твоя дочь вернулась, ты бы не чувствовала себя такой одинокой, – посмела предположить Рита. Она и сама все понимала: Лена пришла сюда, к Марку, не как к потенциальному любовнику, а действительно как к другу. Но все равно ее присутствие напрягало Риту, мешало жить, дышать. Кроме того, она ждала прихода Кости Беленкова, и ей надо было сосредоточиться, прийти в себя, настроиться на работу. А куда девать Лену? Отпаивать ее валерьянкой? Положить в кровать и ухаживать за ней, как за тяжелобольной? Настроение Риты менялось – то ей становилось жаль Корсакову, то хотелось указать ей на дверь.

– Я понимаю, ей сейчас тоже нелегко. У нее и возраст такой, трудный. К тому же она девочка с характером.

«Вся в мать», – подумала Рита.

– Думаю, она ушла специально, чтобы не слышать моих воплей, не видеть моих слез, чтобы не заразиться от меня этой тоской, депрессией. Она молодая, пусть себе живет как хочет. Она как та кошка, которая живет сама по себе. Захочет – уйдет, захочет – вернется. Но разве можно так жестоко поступать с матерью? – вдруг вскричала Лена.

– Послушай, Лена. Ко мне сейчас должны прийти. У меня работа. Если хочешь, сиди в кухне.

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

И тут Рита не выдержала. Пользуясь отсутствием Марка, она спросила прямо в лоб:

– Скажи, Лена, почему – Марк?

– Что? Что – почему? Я не поняла. – У Корсаковой даже нижняя губа затряслась. – Рита...

– Скажи, тебе нравится мой муж? Может, ты влюблена в него?

Она говорила и сама испытывала дискомфорт, словно собиралась утопить и без того слабого, больного человека, просто-таки схватив его за волосы, все глубже и глубже тащить его под воду.

– В Марка?

Казалось, этот вопрос удивил Лену своей прямоотой, неожиданностью и, главное, несвоевременностью.

– Ты что, не поняла вопроса? Какие отношения связывали вас прежде с Марком?

– Я всегда смотрела на него, открыв рот... это так. Но у нас с ним никогда ничего не было. Но его мнением я всегда дорожила. Еще он мне всегда помогал советами. Я липла к нему, это правда, но романа как такового не было. А сейчас я прихожу к нему, чтобы набраться сил.

– А тебе не приходило с голову, что силы Марка нужны его семье? Мне, Фабиоле? Что ты отнимаешь у нас нашего папочку? Что вы запираетесь с ним в кабинете и часами говорите, говорите. Марк – женатый человек, понимаешь ты или нет?

– Понимаю. Я только хотела рассказать ему. Хотела. Видишь ли, я встретила одного парня. Он понравился мне. Но во мне, я думаю, развивается мания преследования. Я хотела только попросить Марка пробить его фамилию, узнать, что это за человек.

– А своими силами ты справиться не можешь? Ты уже не разбираешься в людях совсем?

– Мне постоянно звонят, угрожают. Я и в магазин-то хожу с пистолетом, как дура. И понимаю, что не все – преступники и не все, кто идет за мной по пятам, – мои убийцы. Но все равно страшно! Я раскисла, понимаешь? Мне надо собраться. Рита, это же временное состояние. Все рано или поздно заканчивается. Мне Марк говорил, что ты – добрая, все понимаешь. Извини. Ты права. Я не должна была появляться здесь. Господи, да что же это такое?!

Лена поднялась, встала из-за стола и, шурша платьем, словно гремучая змея, стремительно покинула кухню.

Рита услышала, как стукнула входная дверь. Все, соперница устранена. Грубо? Ну и пусть! Если Марку это не понравится, она объяснит, что именно она чувствует. Хотя она уже объясняла.

Настроение было испорчено окончательно. Какая сейчас работа над портретом, когда на душе кошки скребут? Кошки. Корсакова назвала свою дочь кошкой. Да, может, все дело в том, что девочкой движет инстинкт самосохранения? И она действительно ушла из дома, чтобы не сойти с ума рядом

с такой нервной матерью? Но все равно, что-то здесь не так. И, скорее всего, девочка ушла из-за бешеной любви к какому-нибудь молодому парню, заморочившему ей мозги. Рита представила себе, как ее Фабиола – чистое и невинное дитя, домашнее, воспитанное интеллигентной бабушкой, – вдруг, вырастая, покидает родительский дом, чтобы связаться с каким-нибудь проходимцем. И чьи-то грязные волосатые руки будут обнимать хрупкую и нежную Фабиолу, срывать с нее воздушное платье?

Рита даже содрогнулась от отвращения.

На столе стояла чашка кофе, к которому гостя так и не притронулась. Рита вылила кофе в раковину, вымыла чашку.

...Когда в передней раздался звонок, она вздрогнула так, словно ее застали за чем-то неприличным. Хотя она всего лишь мыла кисти.

На этот раз это был Марк в сопровождении молодого человека. Да, да и да! Все они были правы, эти люди, не испушенные в красоте. Костя Беленков был высоким, стройным, с красивой головой, густыми каштановыми волосами и нежным лицом ангела.

Правильные черты лица, чуть продолговатые карие глаза с тяжелыми веками, красиво очерченными самой природой бледно-розовыми губами. У него была чудесная улыбка и взгляд умного человека. А еще, подумалось Рите, он способен хранить чужие и свои тайны, и вообще на него можно во

всем положиться. Вот такое странное, удивительное чувство охватило ее, когда она рассмотрела хорошенько своего гостя, своего будущего натурщика. Кроме того, завладев его вниманием, она совершенно забыла о том, чей он сын, настолько его личность показалась ей самодостаточной. И вряд ли, задумавшись на мгновение о том, чей он сын, она вспомнила бы в этот момент о чиновнике с блеклой фамилией Беленков. Костя всем своим обликом походил скорее на наследного принца, и в жилах его текла, струилась (Рита в этом несколько не сомневалась!) драгоценная королевская кровь.

Марк по ее сияющим глазам понял, что Костя ей понравился, а потому сразу как-то успокоился. Рите захотелось усадить Костю за стол, чтобы немного поговорить с ним, послушать его голос и понять, какие мысли бродят в этой красивой голове. Но, с другой стороны, она понимала, что он пришел сюда не для того, чтобы просто поесть. Однако она все же предложила ему поужинать с Марком за компанию. Костя вежливо отказался, сказал, что «Арина Родионовна» его накормила прежде, чем отпустить позировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.